

Сергей Эдуардович Сомов
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова, Могилев

ЛИЧНОСТЬ АВТОРА В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

Аннотация. *В статье анализируются основные аспекты, характеризующие личность автора в ряде полемических произведений белорусского просветителя Георгия Конисского, архиепископа Могилевского и Белорусского; описываются как субъективные, так и объективные причины наличия полемического начала в наследии православного философа, богослова, поэта и церковного деятеля.*

Ключевые слова: *Георгий Конисский, эпоха Просвещения, Киево-Могилевская академия, диспут, полемика, ораторская проза, исповедничество, ирония, теодицея.*

Abstract. *The article analyzes the main aspects, characterizing the personality of the author in a number of polemical works of the Belarusian enlightener George Konissky, archbishop of Mogilev and Belarus; describes both the subjective and objective reasons for the polemical beginning in the heritage of the Orthodox philosopher, theologian, poet and church figure.*

Keywords: *George Konissky, the Enlightenment, Kiev-Mohyla Academy, debate, polemic, oratorical prose, confession, irony, theodicy.*

Наследие Георгия Конисского (1717–1795), известного деятеля эпохи Просвещения на украинских и белорусских землях, архиепископа Могилевского и Белорусского, по своему составу многожанрово и включает в себя научные, историко-юридические, ораторские и художественно-поэтические произведения. Значительная часть из них имеет выраженную полемическую составляющую, отдельные являются собственно полемическими. Это объясняется, с одной стороны, характером образования Конисского и, с другой стороны, – идейной спецификой той социальной и религиозной среды, в которой ему довелось осуществлять свою научную, педагогическую, просветительскую и церковную деятельность.

Образование Григорий Осипович Конисский (светское имя до пострига в монашество) получил в Киево-Могилевской духовной академии. Именно там он приобрел опыт полемизирования, в том числе в форме открытой дискуссии. Академия готовила кадры для различных общественных сфер (учительство, чиновничество

и др.), но основное ее направление заключалось в подготовке будущих священников, для которых умение разъяснять свою точку зрения, убеждать слушателей в правоте церковных догматов и разрушать в их сознании неверные представления о должном и допустимом является принципиально важным в профессиональном отношении. Поэтому в Академии существовала традиция организации открытых диспутов на философские и богословские темы, в том числе с представителями других конфессий. Помимо этого, как отмечает П. Знаменский в своем исследовании истории русских духовных школ, эта традиция имела и чисто прагматическое значение, поскольку поддерживала авторитет Академии в обществе, что привлекало к ней внимание: «Архиереи недаром повсюду старались выставлять свои семинарии на вид, заводили в них торжественные акты, диспуты, публичные экзамены... и т. п.; чрез это они невольно заинтересовывали публику в их благосостоянии и привлекали к ним щедрость жертвователей» [1, с. 624].

Конисский в 1743 году окончил полный пятнадцатилетний курс обучения, проявив при этом особенные таланты в области филологии и риторики. До начала педагогической деятельности на академической кафедре красноречия он в течение двух лет исполнял обязанности проповедника Киево-Печерской лавры, поэтому его философски организованный ум нашел применение и развитие не только в разработке собственного академического курса поэтики, а позднее философии и богословия, в рамках которых он полемизирует с рядом ложных, с его точки зрения, научных постулатов и доктрин, но и в ораторском искусстве. Обширное проповедническое наследие Конисского включает проповеди (слова) и речи, построенные по классицистическим принципам следования нормам гармонии, геометрии и логики. Конисский всегда предпосылает слову тезис в виде цитаты из Священного Писания, который он системно доказывает, в том числе используя ряд антитезисов и их опровержений.

Помимо этого, полемический характер творчества архиепископа Георгия обусловлен внешними обстоятельствами, в рамках которых ему пришлось осуществлять бурную педагогическую (за десять лет в Академии он прошел путь от преподавателя поэтики до профессора богословия и ректора) и церковно-административную деятельность. И трудясь в Киеве, и особенно в Могилеве до первого раздела Речи Посполитой в 1772 году, Конисский писал и проповедовал преимущественно во враждебной среде. По сути в Польше шла религиозная война католиков и униатов с православными, целью которой являлось полное уничтожение на восточнославянских землях, входивших в состав королевства, канонического Православия. Могилевская епархия, которую возглавлял Георгий с 1755 года, оставалась последней, еще не переведенной на унию, и потому носила статус Белорусской, находясь в постоянной опасности утратить последние несколько десятков приходов.

Конисский в силу исторических обстоятельств (благодаря своей активности и воле императрицы Екатерины II) фактически возглавил движение польских

диссидентов за свободу совести и гражданские права. Поэтому по необходимости лейтмотивом его творчества на Могилевской епископской кафедре стала полемика с представителями католичества и униатства как в историко-каноническом, так и в догматическом отношении, а параллельно с этим – еще и с набирающими популярность европейскими просветительскими доктринами – деизмом и материализмом – враждебными традиционной религиозности и разлагающих веру в среде образованных белорусов. Этот лейтмотив мы встречаем в таких работах Конисского, как «Историческое известие о епархии Могилевской, в Белой России состоящей, и о епархиях в Польше бывших благочестивых, то есть греко-восточного вероисповедания, кои ремлянами обращены на унию или соединение с римскою церковью», «Записки Конисского о том, что в России до конца XVI века не было унии», «Права и свободы жителям Короны Польской и Великого княжества Литовского, исповедующим греко-восточную религию» и другие.

Основной составляющей репрезентации личности автора в полемических сочинениях Конисского, на наш взгляд, является позиция исповеднического типа, то есть христианина, открыто исповедующего свою христианскую веру во время гонений, который и сам гоним, но не претерпел мученической смерти от рук гонителей (к слову, Георгий пережил несколько покушений на свою жизнь: в 1759 году в Оршанском Кутеинском монастыре, в 1760 году в Могилеве, в 1762 году в Варшаве, а в 1768 году из-за готовящегося убийства он был вынужден выехать из Могилева в Смоленск в четырехлетнее изгнание). Лозунг, которым руководствовался Георгий, – «Во что верую, то и исповедую!» – был максимально реализован им и в церковном служении, и в творчестве. При этом, следует оговориться, что мы имеем дело не с религиозным фанатиком (ср. личность протопопа Аввакума в «Житии, им самим написанном»), а с мыслителем и святителем (архиереем), сознательно и ответственно занимающим эту позицию, взявшим на себя крест служения народу, в данном случае – притесняемым православным белорусам.

Эта жизненная, а вслед за ней авторская, позиция была открыто провозглашена Конисским в первом его слове при постриге в Киево-Печерской лавре 11 августа 1744 года, когда он обратился к братии с проповедью об избранном им пути следования за Христом: «...Приметим, – говорил молодой инок, – куда сей путь лежит? – Воистину, прямо чрез Голгофу; си есть за Христом идущий не минет Голгофы страдания, найдет на коемждо поприще крестовидные столпы; треба ступать на гвоздие и на терние, не пяты только, но и главу будущее и до мозгу пронзающее; треба пройти сквозь огонь и воду; треба вдатися на мечи и на копья, на челюсти зверей и змиев, вменитися за овцу заколения...» [Цит. по 2, с. 66]. Этот же образ епископа-исповедника Георгий создает в «Слове при вступлении на паству», которое он произнес в Могилеве 26 октября 1755 года сразу по приезде из Киева. В слове архипастырь говорит «о себе самом», то есть в аспекте своего воззрения

на сущность «должности» епископа-учителя, епископа-проповедника [См. 3, с. 53–59]. Такую же позицию Конисский занимает в полемических произведениях: перед нами не просто философ, богослов, проповедник или художник – перед нами личность христианина-исповедника, предстающего в различных творческих ипостасях.

Не случайно в указанной выше проповеди язык и перо истинного епископа Конисский сравнивает с «перуном», то есть молнией, разметающей «плевелы и нечестие» (пример святого Афанасия, опровергшего ересь Ария) и с оружием более грозным, нежели воинское (пример Василия Великого, боровшегося с Юлианом отступником) [3, с. 55–56]. Он сам вслед за этими великими святителями в каждом своем слове пророчески смело и открыто старается опровергать ложные учения как религиозного, так и светского характера. Например, «Слово на Рождество Христово» Конисский начинает с полемики гносеологического характера и противопоставляет научному познанию (что, безусловно, с современной точки зрения не корректно) тайну Боговоплощения: «Века нашего мудрецы, – говорит Георгий, – испытуют прилежно о естестве Божиих тварей и произведениях земли, которые досель были тайною, а ныне сделались во многих вещах открытыми, во многих, говорю, вещах, но не во всех, ибо остается еще безчисленное множество (в орфографии и пунктуации оригинала – С.С.) тех же естественных вещей донныне тайною, коей и самый искусный естествоиспытатель никак не дошел» [3, с. 407]. Автор говорит здесь на равных с учеными-естествоиспытателями, потому что он не только исповедник-святитель, но и исповедник-профессор в одном лице, а богословие для него – церковного человека XVIII века – это наука, которая все еще стоит выше не только естествознания, но и философии.

Полемизирование предполагает не только наличие собственных убеждений, отличных от убеждений оппонентов, но и еще присутствие духа, воли и смелости, чтобы вступить в полемику, особенно, когда ты находишься в меньшинстве, а последствия могут быть непредсказуемыми. Яркой составляющей личности Конисского-полемиста в этом аспекте является особая смелость, по сути опять-таки пророческая: он говорит правду, обличает ложь, невзирая на лица, звания и заслуги и, кажется, даже не задумываясь о последствиях. Ярчайшим примером этого является «Речь Польскому Королю Станиславу Августу, произнесенная в Варшаве» в 1765 году в защиту гонимых православных. Для сановников королевского двора, для большинства членов сейма, католиков по вероисповеданию, православный епископ Конисский – это смертельный враг, а он, со своей стороны, противопоставляет католическим догматам православное исповедание веры: «За то, что мы не дерзаем толковать вечные Божьи законы согласно с преданиями человеческими, и, так сказать, не смешиваем неба с землею (это он говорит королю-католику! – С.С.), – за то, говорю, называют нас схизматиками, еретиками, богоотступниками. За то, что страшимся противоречить с безстыдством

гласу совести, осуждают нас на заключение в темницы, на раны, на позорную казнь и сожжение!» [там же, с. 85].

Помимо исповеднической смелости во многих серьезных полемических произведениях Конисский предстает ироничным человеком. Ирония используется им как эффективный прием, помогающий подчеркнуть несостоятельность убеждений оппонента, которые так глупы и несущественны, что нет никакой необходимости и даже возможности говорить о них серьезно. Примером такого использования иронии является «Письмо г-на Волтера к учителям Церкви и богословам» и «Ответ на оное письмо архиепископа Могилевского Георгия Конисского» [4, 5, 6].

Это антиклерикальное произведение, состоящее из ряда каверзных теологических и философских вопросов, имеющих целью открыть внутреннюю противоречивость и ошибочность основных религиозных догматов, распространилось на территории Беларуси во второй половине XVIII века. Вопросам предшествует прямое обращение автора письма (подразумевается – Вольтера) к некоему богослову, для которого открыты истины «Божественной науки». Вступление исполнено иронии автора, якобы желающего обратиться на «путь истины». «...Мои глаза, так как несчастного грешника, столь далеко в премудрость Всевышней власти проникнуть не могут, как ваши, – пишет автор письма, – то прошу вашу святость взять на себя труд просветить мое неведение и тем избавить, так как Божественная ваша наука мыслить научает, от бесовской силы, делающей меня достойным всех тех ужасных мучительств, которая ... по преселении нашем в неизвестную вечность, нам обещаются» [4, с. 1102].

Автор ответа на письмо также становится в ироническую позицию, а в собственном вступлении к полемике доходит до сарказма, описывая обстоятельства появления письма. По мнению Георгия, данное письмо, появившееся «в свете в несколько годов по смерти уже г. Волтера», в глазах наивных читателей может быть уподоблено письму пророка Илии (здесь проглядывает ирония по поводу авторитета и славы Вольтера среди европейцев) «с тем только различием, что письмо Илиино, как думают невежи, писано было из рая, а письмо г. Вольтера из ада, куда он отступничеством своим и христорством, аки пароконною колесницею (как безгрешно можно думать), взят от земли» [4, с. 1103].

Впрочем, вступлением ироническая часть полемики и заканчивается. Сама необходимость ответить на письмо, исполненное «духом отца лжи», продиктована необходимостью «обережения христиан от заразы в вопросах, при письме приложенных, развеваемой» [4, с. 1103]. Собственно полемическая часть письма построена в традициях классической логики и состоит из 17 «Возражений г-на Волтера» и такого же числа «Решений оных, сделанных оным архиепископом». В своих решениях Конисский вполне серьезен, поскольку речь идет главным образом о принципиальной мировоззренческой дилемме бытия добра и зла в свете догмата о благом промысле Божиим, то есть о проблеме богооправдания. Этому

вопросу Конисский уделяет в полемике больше всего внимания, он поднимается над известной метафизикой богословия и говорит о диалектической связи между добром и злом, разрешая теодицею традиционными средствами раскрытия идеи свободы человеческой воли.

Анализ полемики Конисского с Вольтером, а точнее с вольтеризмом, равно как и других произведений Георгия, включающих в себя полемическую составляющую, показывает, насколько более важное значение имело традиционное религиозное миропонимание для личности русского просветителя, в отличие от западноевропейского, стремительно ушедшего на путь секуляризации, деизма, а затем и атеизма. Этим расхождением объясняется и различная глубина кризиса просвещения в Европе и в России в конце XVIII – начале XIX века, разная степень разочарованности мыслящего разума, обратившегося в пик классицизму к новому романтическому мироощущению и миропониманию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Знаменский, П. Духовные школы в России до реформы 1808 года / П. Знаменский. – Казань: Типография Императорского Университета, 1881. – 806 с.
2. Буглаков, М. Преосвященный Георгий Конисский, Архиепископ Могилевский / М. Буглаков. – Мн.: Виноград, 2000. – 656 с.
3. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре: Скоропечатня и Литография Я. Н. Подземского, 1892. – 469 с.
4. Письмо г-на Волтера к учителям Церкви и богословам // Домашняя Беседа. – 1867. – Вып. 46. – С. 1102–1106.
5. Письмо г-на Волтера к учителям Церкви и богословам. (Продолжение) // Домашняя Беседа. – 1867. – Вып. 47. – С. 1122–1126.
6. Письмо г-на Волтера к учителям Церкви и богословам. (Окончание) // Домашняя Беседа. – 1867. – Вып. 48. – С. 1154–1156.